

Edited by
A. S. KASSIAN
A. V. SIDEL'TSEV

Cover design, font design, typeset by A. Kassian

Copyright © 2002 by the authors

Studia Linguarum. Vol. 3 (fsc. 1—2). Ed. by A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev.
Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2002.

ISBN 5-94457-072-5

Printed in Russia

TABLE OF CONTENTS

<i>A. A. Korolëv</i> (7.7.1944—16.7.1999)	5
<hr/>	
A. S. Kassian More about Hittite ^{LÚ} MEŠMUHALDIM <i>hantezzi tijanzi</i>	11
A. V. Sidel'tsev A New Morphological Rule for Middle Hittite?	21
D. Groddek Ein neuer hethitischer Staatsvertrag: KBo 31.71 + KBo 16.32	81
M. Starostin Zur Deutung der ^É MEŠ ^{NA} 4KIŠIB Listen im Telipinu Erlaß (§§ 37—38)	89
I. Yakubovich Labyrinth for Tyrants.	93
V. Ševoroškin Word Combination in Milyan and Lycian Inscription	117
A. Kossian Sargon II and Kurtis of Atuna: an Interpretation	191

Table of Contents

N. Harouthiounyan New Readings and Interpretations in Urartian Texts	205
M. Puturidze Some Evidences Concerning the Problem of Anatolian — South Caucasian Interrelation at the First Half of the II Millennium B. C.	211
Н. Б. Янковская Эпистолярный жанр — живой голос времени.	227
<hr/>	
Joseph F. Eska Aspects of nasal phonology in Cisalpine Celtic	253
L. Kogan, A. Militarev Long Vowels in Proto-Semitic Primary Nominal Bases	277
O. Stolbova Family Names in Chadic and Afrasian	287
V. A. Dybo Balto-Slavic Accentology and Winter's Law	295
Ф. Р. Минлос, В. А. Терентьев Рус. диал. вѣх. Этимология	517

A. A. Korolëv
(7.7.1944 — 16.7.1999)

The present Volume is dedicated to the memory of Dr. A. A. Korolëv, an outstanding philologist, an expert in Celtic, Anatolian, and other IE languages, a fine and highly talented man, devoted to his work and loyal to his friends. He passed away July, 16, 1999 in a shabby room in a communal apartment that he leased on the outskirts of Moscow. He did not leave any material inheritance, except

Ф. Р. Минлос, В. А. Терентьев
Москва

Рус. диал. *вѣх*. Этимология

Восточнославянское (в основном диалектное) название ряда растений *вѣх/вех* и ряд близких слов (*вехá, вель*) обычно сопоставляются со славянским **věxa* 'пучок соломы' (ЕСУМ 1: 366, 407, ЭСБМ 2: 335; в свою очередь **věxa* сравнивается с д.-в.-н. *wisc* 'пучок, соломенный жгут' и др., Фасмер 1: 308). Однако такая этимология для слова *вех* не является единственно возможной. Такого единственного окончательного решения (как оно было «на самом деле») не можем предложить и мы. Наша цель более скромная — привести релевантный для решения этой проблемы материал, т. е. несколько похожих корней и несколько конкурирующих этимологий. Возможно, что эти корни контактировались друг с другом; может статься и так, что запутанность материала совершенно мнимая и другие исследователи легко всё прояснят¹.

Первой проблемой является подача славянского материала. Близкими лексемами обозначаются различные растения; их

¹ Мы благодарны А. В. Дыбо, А. С. Касьяну, С. Л. Николаеву, К. Ю. Решетникову и Э. Е. Хавкину, высказавшим ценные замечания на тему этой статьи. Работу с источниками существенно облегчили С. М. Толстая и М. Н. Толстая, любезно позволив одному из авторов работать в их домашней библиотеке.

можно классифицировать по разным признакам, а любая классификация будет уже склонять читателя в пользу той или иной этимологии. Чтобы избежать суггестивности, мы решили в начале статьи поместить весь материал, расположенный по некоторому нейтральному признаку. В этом смысле самым корректным было бы расположить растения по алфавиту (используя их латинские названия). Однако для удобства мы ввели еще и разбиение на семейства; другие признаки (условия произрастания, ядовитость, внешний вид) мы в основном оставляем за кадром до второй части статьи, где приступим к содержательному обсуждению материала.

Примерный план изложения таков: вначале мы даем основной материал; следует отметить, что наряду с вост.-слав. формами *вех*, *бех*, *веха*, *весь* мы приводим также зап.-слав. *veš*. Далее идут комментарии относительно исторической фонетики, относящиеся непосредственно к этому основному материалу. После этого мы переходим к изложению дальнейших этимологических связей.

Все русские (но не украинские) словоформы (в библиографии и в материале) переводятся из дореволюционной орфографии в современную русскую, кроме нескольких случаев, когда сохранение старого написания *ѣ* казалось нам содержательным.

Семейство зонтичных

1. *Aegorodium podagraria*, сныть обыкновенная. Рус. диал. нижегор. *вех* 'Aegorodium podagraria' («по смеш[ению] с др[угими] р[астениями]», Анненков 1878: 11; ЗалПетр 3: 917).

2. *Aethusa cynapium*, собачья петрушка. Рус. диал. влад. *вех* 'Aethusa cynapium' (Анненков 1878: 12, ЗалПетр 3: 761).

Морав. *svinská veš*, *sviní veška* 'Aethusa cynapium' (Bartoš 1895 2: 499, 501; Bartoš 1905: 413).

3. *Angelica archangelica*, дягиль лекарственный. Укр. диал. *вѣох* 'Angelica archangelica' (ЗалПетр 1: 342, Makowiecki 1936: 36; согласно Н. Анненкову, «смеш. с *Conium*» — Анненков 1878: 36).

4. *Cicuta virosa*, цикута ядовитая. Рус. стар. *виох* 'ядовитое растение, цикута', в источнике 'трава луговая, и смертельная для овец и коров, которые оной объедаются' (СЛРЯ XVIII 3: 87), рус. диал. *вѣх*, *веха*, *вяха* 'Cicuta virosa' (Даль 1: 191), *вех* 'id.' (ЗалПетр 1: 222), томск., орл. *вех*, курск. *веха* 'id.' (Анненков 1859: 39, 179, Анненков 1878: 98), псков. *вех*, *вѣх*, *вьех*, *вѣха* 'растущее возле озер, вод, канав ядовитое растение (цикута?)' (ПОС 3: 131), смол. *вѣх*, *виха́*, *ви́ха* 'Cicuta virosa' (Добровольский 1: 219), обск. *вѣх*, *вѣха* 'ядовитое растение *Cicuta virosa*' (Объ 1: 68—69), смол., твер., тобол. *вех* 'Cicuta virosa L.' (СРНГ 4: 207), рост., смол. *вехá* 'id.', кемер., тюмен. *вѣха* 'id.' (СРНГ 4: 208); укр. *виха́*, *вех* 'вѣх (*Cicuta virosa* L.)' (УРС 1: 128), *вех*, *виха* 'Cicuta virosa' (Анненков 1878: 98), *виха́* 'Cicuta virosa L.' (Гринченко 1: 242), *виха* 'Cicuta virosa' (ЗалПетр 1: 222), зап. *виха*, *ви́ха* 'Wasserschierling/Wüthschierling (*Cicuta virosa*)' (Желеховский 1886: 109, 132), *виха́* 'Wasserschierling' (Кузеля 1943: 117), *виха* 'Cicuta virosa L.' (Рогович 1874: 8), диал. житомир. *вехá* 'Cicuta virosa (вех)' (Лысенко 1966: 12), херсон. *ви́ха* 'то же, что бех, раст., бешеница, *Cicuta virosa*' (Яворницький 1: 103); блр. диал. *вяхá* 'цыкута' (Свяжынскі 1977: 6, Мацкевіч 1976: 145, Каспяровіч 1927: 70, Киселевский 1967: 38, у А. Киселевского ссылки на работы Василькоў 1927, Чоловский 1882), могилев., центр.-блр. *виха́* 'вех атрутны (*Cicuta virosa*)' (Бялькевіч 1970: 110, СгЦРБ 1: 61), гомель. *вѣха* 'цыкута' (МДСГ 1: 213), сев.-зап. *вех* 'цыкута' (СгПЗБ 1: 303). Вост.-славянские (более точной атрибуции нет) формы *вѣох*, *вѣх*, *вяха*, *вѣха*, *виха*, *вѣх* приводятся в Анненков 1878: 98 и в ЗалПетр 1: 222. Скорее всего, *вих* 'Cicuta virosa' (Makowiecki 1936: 97) не существует, т. к. в указанных у С. Маковецкого источниках (Желеховский 1886, ЗалПетр) такой формы не обнаружено.

В польских диалектах слово, возможно, заимствовано из восточно-славянского: польск. диал. *wesch*, *wiech*, *wioch* 'szalej jadowity (Cicuta virosa)' (Karłowicz 6: 85; по крайней мере, заимствованием является форма *wioch*; напротив, *wiech* может быть и своей, исконной формой).

Можно еще отметить своеобразный квазилитературный статус рус. *вѣх* 'Cicuta virosa'. Его отсутствие в современном литературном языке можно подтвердить хотя бы его отсутствием в Зализняк 1977. С другой стороны, многие из тех, с кем мы имели возможность обсудить эту статью, удивлялись, слыша о том, что слово *вѣх* — диалектное. Оно является нормальным живым словом для многих носителей литературного языка; использовалось в ряде ботанических книг и даже в Украинско-русском словаре (см. выше).

Рус. диал. курск. *бех* 'Cicuta virosa' (СРНГ 2: 284—285); укр. *бех* 'Cicuta virosa L.' (Анненков 1878: 98, Makowiecki 1936: 97, ЗалПетр 1: 222, Рогович 1874: 8).

Укр. *весь* 'Cicuta virosa' (Makowiecki 1936: 97).

Поль. *weszka szalej* 'Cicuta virosa' (Анненков 1878: 98).

5. Conium maculatum, болиголов. Рус. диал. *вяха* 'растение болиголов, вежа' (Даль 1: 347), «вяха также Conium» (Даль 1: 191).

Морав. *sviňská veš* 'Conium maculatum' (Bartoš 1895 2: 499, 501; Bartoš 1905 413), чеш. *svini* (вместо **svini*) *veška* 'Conium maculatum', поль. *swinia wesz* 'Conium maculatum' (Анненков 1878: 105).

6. Oenanthe phellandrium, омежник водяной. Рус. диал. *малый вех* 'Oenanthe phellandrium' (Даль 1: 191, Анненков 1878: 230)². В СРНГ 4: 208 приводится ворон. *вѣх* 'Oenanthe phell.' со ссылкой на заметку А. Хованского (см. Хованский 1860). Удивительную форму следует считать недоразумением, т. к. в источнике она нами не обнаружена.

² Почему «малый», не совсем ясно: высота цикуты 60—120 см, а омежника — 50—150 см.

Не смешивать с сев.-рус. *вех*, *вѣхта*, *вахка* 'Menyanthes trifoliata и под.', заимствованием из прибалтийско-финских языков (Меркулова 1967: 37—38).

Зап.-укр. *весь* 'Phellandrium aquaticum', 'Oenanthe phellandrium' (Гринченко 1: 143, Мѣсацословъ 100; Верхратський 1872 такого слова не содержит, вопреки Гринченко и Маковецкому; Phellandrium aquaticum — фармакологическое название омежника; в Makowiecki 1936: 245 ссылка на Верхратський 1908), *весеї* 'Oenanthe aquatica L.' (в Makowiecki 1936: 246 ссылка на Верхратський 1908).

7. Peucedanum palustre, горичник болотный. Рус. диал. пск. *вѣх болотный* 'Peucedanum palustre' (Анненков 1878: 246, ссылка на Словарь 1895 в СРНГ 4: 207 ошибочна).

8. Sium latifolium, поручейник широколистный. Рус. диал. орл. *вежа* (Анненков 1878: 332, ЗалПетр 3: 799), укр. *вех* (Анненков 1878: 332), зап.-укр. *вех* 'Froscheppich (Sium latifolium)' (Желеховский 1886: 66), *вех* 'Sium latifolium L.' (Гринченко 1: 143, ссылка на Анненков 1878: 332); см. также ЗалПетр 3: 799, Makowiecki 1936: 347).

Sium lancifolium, поручейник остролистный. Рус. *вех остролистный* (Мельник); перед нами явно не народное название, а элемент научной номенклатуры (не прижившийся в науке), поэтому мы это значение не учитываем.

Следует отметить, что почти все эти зонтичные растения очень похожи, даже плохо различимы для неспециалиста³. Поэтому, собственно, не всегда можно верить, что словом *вех* или *вежа* называется именно тот, а не иной представитель этого семейства, особенно когда речь идет о ядовитых зонтичных. В этом смысле показательнее более общее значение в новг. *вѣх*,

³ Все эти растения высокие, около 1 м высотой (некоторые — до 2 м); кроме того, большинство этих зонтичных ядовиты и влаголюбивы, о чем пойдет речь дальше.

вѣха (*вѣха*) 'ядовитое растение семейства зонтичных' (Новг 1: 121), а также сомнение в точном определении растения в Псковском областном словаре (см. выше). Частный случай такой неясности — неясность, идет ли речь о '*Cicuta virosa*' или '*Conium maculatum*': *вѣха* 'растение: то же что *вѣх* или болиголов' (Словарь 1895 1: 762), *болиголов* 'трава *Conium maculatum*' (Словарь 1895 1: 235).

Кроме того, записано и более общее значение 'ядовитая трава' (хотя ясно, что за записью 'ядовитая трава' может скрываться значение '*Cicuta virosa*', и наоборот): курск., пенз. *вех/вѣх* 'какая-то ядовитая трава' (СРНГ 4: 207), псков. опоч. *вѣха* 'трава, вредная для скота' (Опыт 33, то же в СРНГ 4: 208), блр. диал. витеб. 'едавітая трава, каля вады расцець, кароў раздуваіць' (с. Лисно Верхнедвинского р.-на Витебской обл.—Атлас 1: карта 278), 'трава, якая шкодзіць каровам' (с. Охрёмовцы Браславского р.-на Витебской обл., id.).

Представители других семейств

9. *Butomus umbellatus*, сусак зонтичный (сем. сусаковых).

Укр. *бех* 'сусак зонтичный, *Butomus umbellatus* L.' (Makowiecki 1936: 67, ЗалПетр).

10. *Capsella bursa pastoris*, пастушья сумка обыкн. (сем. крестоцветных). Рус. диал. влад. *вех* '*Capsella bursa pastoris*' («со-мнит.», Анненков 1878: 82; ЗалПетр 3: 744).

11. *Hyoscyamus niger*, белена (сем. пасленовых). Укр. диал. екатер. *вѣха* 'белена' (Яворницький 1: 47). Во-первых, неясно *e* при укр. *i* в *вѣха* 'цикута', см. 1.1. Во-вторых, внушает сомнения и само значение, приведенное у Д. Яворницкого. После толкования автор приводит фразеологизм: «*вехи наїстись*», подобно тому, как говорят «*белены объесться*», далее пример: «*Що це ти вехи наївся, чи що, що таке верзеш?*». Из всего этого материала

напрашивается вывод, что русское слово *белена* дано как перевод исключительно из-за того, что *белена* является аналогом *вехи* при переводе фразеологизма.

12. *Sparganium*, ежеголовник (сем. ежеголовковых). Блр. диал. *вех* 'плюшчай (*Sparganium* L.)' (Атлас 1: карта 273).

13. *Stellaria graminea*, звездчатка злаковидная (сем. гвоздичных). Укр. диал. харьк. *конский вех* '*Stellaria graminea*' (Анненков 1878: 343; Горницкий 1886: 20). Растение считается ядовитым для лошадей («ядовита для лошадей» — СтанТал 245, «на юге эта трава считается ядовитой для лошадей — отсюда название: Пьяная трава, Конский вех», Маевский 1962: 17).

14. *Stellaria glauca* (/palustris), звездчатка сизая (/болотная; сем. гвоздичных). Рус. (?) диал. *вех* '*Stellaria glauca*' (Анненков 1878: 343, без указания места).

15. *Thalictrum flavum*, василистник (полюшник) желтый (сем. лютиковых). Русск. диал. смол. *веха* '*Thalictrum flavum*' (Анненков 1878: 352), зап.-укр. *веха* 'Wiesenraute (*Thalictrum flavum*)' (Желеховский 1886: 66; также Makowiecki 1936: 369), блр. диал. *вех* 'полюшник, *Thalictrum* L.' (Инстр. II, приводится по ЭСБМ 2: 335).

16. *Vicetoxicum officinale*, ласточник обыкновенный (сем. ласточниковых). Укр. (?) диал. екатер. *вѣх* '*Vicetoxicum officinale*' (ЗалПетр 2: 562—563).

17. *Viscum album*, омела (сем. ремнецветниковых). Укр. полес. *вѣха*, *веха*, *виха* '*Viscum album* (омела)' (Лисенко 1974: 42, 46), зап. *виха* 'id.' (Верхратский 1908, приводится по Makowiecki 1936: 404), блр. диал. *вяха*, *виха* 'амяла' (СГПЗБ 1: 396), тур. *вяха* 'амяла, *Viscum album* L.' (Картотека туровского словаря (слоўніка Тураўшчыны), цитируется по ЭСБМ 3: 335; неясно, почему нет в ТС), *wiechą* 'jemioła' (Moszyński 1928: 185). При этом, если верить лексическому атласу белорусских диалектов, такого названия оме-

лы в Белоруссии вообще нет (см. Атлас 1: карта 165). Вопреки ЭСБМ 2: 335, *виха* 'амяла' в работе Полевой 1926 не обнаружено.

Фонетический комментарий

Фонетическое соотношение рус. *вѣх*, укр. *весь* и зап.-слав. *veř* довольно нетривиально. Про зап.-украинское слово *весь* говорилось, что это фонетически вторичная форма слова *вех* (ЭСБМ 2: 336, ЭСУМ 1: 366). Зап.-слав. *veř* в специальной литературе, насколько нам известно, не рассматривалось, а в неспециальной осмыслялось по народной этимологии как «вошь» (ср. чеш. *veř*, поль. *wesz* 'вошь'; интересен русский «перевод с польского» *свиная вошь* 'Conium maculatum', Анненков 1878: 105). Если бы для *veř* и существовало какое-то специальное объяснение, скорее всего это была бы ссылка на морфонологические варианты типа рус. *лемех/лемеш.*, рус. *лопух* ~ болг. *лопуш*. Но на самом деле соотношение [h]~[s']~[š] замечательным образом укладывается в известную схему фонетических соответствий; эта схема правда пока что была надежно представлена только в одном слове. Речь идет о слав. местоимении **vъxъ* 'omnis'. В этой местоименной основе в живых южно- и восточнославянских языках представлен звук [s'] или вторично [s] (рус. *весь*, укр., блр. *увесь*, с.-х. *сав*, словен. *ves*), в западно-славянских языках [š] (др.-чеш. *veř*, др.-поль. *wszy*), а в западно-русских говорах реликтивно (в памятниках письменности и, возможно, в одном топониме) представлен согласный [h]. Звуки [s'] и [š] — разные результаты третьей палатализации, а [h] видимо напрямую восходит к слав. **x* (см. подробнее про *-x-* в Зализняк 1986: 116, Зализняк 1993: 197, Зализняк 1995: 38—39). Еще один пример на развитие сочетания **ъx* в славянских языках — это **jelъxa*: рус. *ольха*, укр. *вільха*, болг. *елха*, словц. *jelša*, в.-луж. *wólša* и др. (дело осложняется тем, что и в южно-славянских языках зафиксированы формы типа болг. *елиша*, см. ЭССЯ 6: 25). В местоимении **vъxъ* звук [h] был повсе-

местно вытеснен звуком [s'], а в словах **vъxъ* 'вѣх' и **jelъxa* согласный [h] устойчиво сохранялся. Наверное, эта разница связана с различием между набором окончаний именной и местоименной парадигм: в местоименной парадигме большее количество окончаний начиналось с **-ě*⁴.

Если различие, которое показывают славянские языки в отношении второго согласного, совершенно регулярно, то гласный звук (не столь уж разнящийся по языкам) создает некоторые проблемы. В укр. *весь* гласный *-e-* свидетельствует о слав. **ь*. Дело в том, что слав. **e* в слоге перед **ь* (а именно исход **-sь* можно предполагать в непосредственной праформе укр. *весь*) дало бы укр. «новый ять», т. е. форму **vісь* (см. напр. Филин 1972: 225); кроме того, в позиции после **e* была бы необъяснима третья палатализация. Однако нигде вроде бы не записано ожидаемого в случае регулярной рефлексии **ь* чередования типа *вех*, **vxa*.

Соответствующие слова женского рода должны восходить к **vѣxa*. Прямой рефлекс **ě* находим в укр. *і*; кроме того, форма **vъxa* должна была бы давать что-то вроде *vxa* или даже *уха* (в белорусском). Форму **vѣxa* можно объяснять как результат контаминации слова **vъxъ* со словом **vѣxa* 'связка соломы' (причем контаминацию можно отнести как к праславянскому уровню, так и к истории отдельных диалектов). Однако в паре **vъxъ* ~ **vѣxa* можно видеть архаичное праславянское чередование нулевой и полной ступени в корне (как например в фитонимах **belna* ~ **bьlnъ*, **smerka* ~ **smьrkъ*).

Что касается формы укр. *бех*, то она считалась результатом вторичной фонетической трансформации, см. ЭСУМ 1:179. Известна

⁴ Соотношение чаще такое, что первый гласный окончания местоименной парадигмы **-ě*, а гласный (или гласные) соответствующих окончаний именной парадигмы другой: In. Sg. **-омь*, **-ојѣ*, vrs. **-ѣть*; In. Du. **-ома*, **-ама* vrs. **-ѣта*; Gen. Pl. **-ъ* vrs. **-ѣхъ*; Loc. Pl. **-ѣхъ*, **-ахъ* vrs. **-ѣхъ*; Dat. Pl. **-омь*, **-амь* vrs. **-ѣть*; In. Pl. **-у*, **-ами* vrs. **-ѣми*. Обратное соотношение тоже бывает, но реже: Loc. Sg. **-ě* vrs. **-омь*; Dat. Sg. **-u*, **-ě* vrs. **-ому*.

также украинская легенда «о битве между татарами и казаками, из костей которых и выросла трава, кричавшая бех» (Анненков 1878: 98); другая, более пространная история на эту тему излагается в Рогович 1874: 8—10. На самом деле это слово происходит из праформы **(o)b-(v)ьхъ*. Здесь та же приставка **ob-* неясной семантики, что и в других названиях растений: **o-soka*, **(o)b-udra*⁵.

Кроме того, существует пск., литов., орл. ёх в сходных значениях (СРНГ 9: 46; ПОС 10: 139); относительно перехода [v'] > [j] в западнорусском ареале ср., к примеру, пск. *ётох* в том же значении, что и *вётох* (ПОС 10: 138).

Этимологический комментарий

1. Индоевропейское название омелы. Название омелы (*Viscum album*) **věxa*, которое есть в некоторых восточнославянских диалектах, может иметь отдельную индо-европейскую этимологию. Это слово можно связать с индо-европейским **uiks-/uisk-* ‘омела, вишня (с клейким соком)’: греч. ἰξός ‘oak-mistletoe, *Hozanthus europeus*; mistletoe-berry, birdlime (prepared from the mistletoe-berry)’ (LiddScott 1996: 831), лат. *vīscum* ‘омела; птичий клей из ягод омелы’ (‘gui; glu’ ErnMeillet 1967: 741), д.-в.-н. *wīhselâ* ‘Weichsel, Weichselkirsche, cromela’ (Schade 2: 1152), слав. **viš(b)nja* ‘вишня’ (Фасмер 1: 325) — см. WP 1: 313, Pokorný 1: 1134. Детали фонетического соответствия ясны не до конца.

2. Индоевропейское название яда. Значительная часть растений, обозначаемых словами **vьхъ*, **věxa*, ядовиты: из зонтич-

⁵ Последнее восстанавливается на основании рус. диал. *бўгра* ‘плосцевидное растение *Glechoma hederacea* и др.’ и укр. *бугра* ‘растение *Glechoma hederacea*’ (ЭССЯ 3: 77). Реконструкция **budra* в ЭССЯ — результат недоразумения; как видно по внешнему сравнению (лтш. *ūdrene* с тем же значением), речь идет о слав. приставочном **(o)b-udra*. Упрощение **bv > b* с последующим отпадением начального **o* — довольно обычное явление, ср. рус. *буженіна* и родственные слова, болг. *бѣся*.

ных это *Aethusa cynapium*, *Cicuta virosa*, *Conium maculatum*, *Oenanthe phellandrium*, *Sium latifolium*, из других растений *Huoscycamus niger*, *Stellaria graminea*, *Vicetoxicum officinale*⁶.

Уместно сказать несколько слов о западнорусских словосочетаниях *svinská veš*, **sviní veška* ‘*Aethusa cynapium*’, *sviňská veš*, *sviní veška* ‘*Conium maculatum*’ (см. выше). Во многих европейских языках воспроизводится схема, когда у культурного растения есть дикая пара с эпитетом «относящийся к животному»: *заячий овес*, *заячья капуста*, *воробьиная греча*, *свиная репа*, *собачья репа*, *собачья петрушка*, *конский щавель*, *гусиный лук*, *мышинный горох* и др.; прилагательные подчас могут варьироваться в такой паре, их единственное значение — ‘неподлинный X’ (Меркулова 1967: 89, 110). В нашем материале исходное слово не обозначает культурное съедобное растение, от которого нужно отличать «ненастоящие», похожие на него виды. Совсем наоборот, сам *vex* — ядовитое растение, и такая модель к нему неприменима. Западнорусские слова можно объяснять следующим образом: т. к. многие названия «нехороших» растений имеют структуру типа «*свиной X*», словосочетание *svinská veš* возникло по аналогии с ними (между прочим, существуют культурные зонтичные, которые могут потенциально восприниматься как парные к ядовитым: прежде всего это петрушка и морковь). Существенно, что само слово *veš* как название ядовитых зонтичных в западнорусских языках отсутствует.

Слав. **vьхъ* в значении ‘ядовитая трава’ возводимо к индоевропейскому **uiso-m* ср. р. / -s м. р. (и.-е. **s* регулярно дало слав. **x* в позиции после **i > *ь*), названию яда (др.-инд. *viṣám* ср. р.,

⁶ Таким образом, не являются ядовитыми из зонтичных *Aegorodium podagraria*, *Peucedanum palustre*, *Angelica archangelica*, из других растений *Butomus umbellatus*, *Capsella bursa pastoris*, *Thalictrum flavum*, *Sparganium*, *Stellaria palustris*. Более того, из них по крайней мере *Angelica a.* и *Butomus u.* иногда используются в пищу (см. Меркулова 1967: 38—39). Отсюда и одно из русских диалектных названий *Butomus u.*, *хлебница* (см. Меркулова 1967: 38—39).

ав. *vīša-* ср. р., лат. *vīrus* ср. р., греч. ἰός м. р., ср.-ирл. *fī*, WP 1: 243—244; Pokorny 1: 1134; также тох. А *wās*, тох. В *w(ase)* 'яд', Pisani 32). Литовское *váistas* 'лекарство' относится к тому же корню (Fraenkel 1962: 1183—1184).

Кажется, в рамках этой этимологии можно рассматривать и прусское название багульника, *wissene* ('Porsche, Ledum palustre', цитируется по Trautmann 1910: 464). Багульник болотный обладает одуряющим запахом (т. е. как бы ядовит). В индо-иранских языках также представлены значения типа 'ядовитое растение'. Следует отметить перс. *bīš* 'Name of a poisonous plant resembling a ginger' (Steingass 221; а также белудж. *gīš* 'олеандр', Mayrhofer 3: 227; следует отметить, что фонетика белуджского и персидского слов свидетельствует о праиранском *ī). При этом в иранском хорошо представлено и значение 'яд': ав. *vīša-*, *vīš-* (Bartholomae 1961: 1472), хотаносак. *bāta-*, ср.-перс. *viš* (Mayrhofer 3: 227). У др.-инд. *viṣám* отмечены, кроме общего значения 'яд', также значения 'ein. best. vegetabilisches Gift', 'ein Aconitum' (Böhtlingk 6: 132), ср. также обилие в др.-инд. производных слов, обозначающих различные ядовитые растения (там же). В некоторых новоиндийских языках также известно значение 'аконит' (Aconitum, борец, в том числе А. ferox в Гималаях; сем. лютиковых): шина *biṣ* 'poison, aconite', ассам. *bih*, хинди *bis* 'poison, Aconitum ferox' (Turner 1966: 693). Не совсем исключена вероятность того, что в индо-европейском у корня **uis* существовало значение 'ядовитое растение', которое сохранилось в славянском, балтийском и индо-иранском. С другой стороны, материал других языков, прежде всего латыни (а также германский и кельтский, а именно валлийский материал) скорее свидетельствует о значениях типа 'нехорошая, грязная жидкость; грязь'.

Слова со значениями типа 'слизь, грязь, экскременты, кровь' видимо принадлежат к тому же этимологическому гнезду: лат. *vīlus* основное значение 'suc des plantes; humeur (sperme) ou venin des animaux' (ErnMeillet 1967: 740), греч. ἰός 'rust (on iron)' (LiddScott 1996: 832; этимологически отождествляется с ἰός 'яд' в

Frisk 1: 730—731), др.-инд. *viṣthā* 'faeces' (Böhtlingk 6: 136), *viṣ* 'faeces, Unreinigkeit' (Böhtlingk 6: 131 — эпическое, согласно Mayrhofer 3: 231; вообще, М. Майрхофер отрицает связь этих др.-инд. слов с и.-е. корнем), *visrá* 'muftig (dem Geruch nach), nach rohem Fleisch u.s.w. reichend', 'Blut' (Böhtlingk 6: 140), др.-англ. *wāse* 'Ooze, mud, slime' (BoswToll 1898: 1170), 'mire, marsch' (Hall 1960: 398), др.-фриз. *wāse* 'Schlamm' (Holthausen 1925: 125, Richthofen 1970: 1128), др.-исл. *veisa* 'a pool, pond of stagnant water, cesspool' (Cleasby 1957: 691), норв. диал. *veise* 'грязь, тина, топь' (НПС 988), валл. *gwuar* 'кровь' (< **ueisaro*, Pokorny 1: 1134). Возможно, что сюда же принадлежит и д.-в.-н. *wisa* 'Wiese, pratum' (Schade 2: 1170), др.-англ. *wisc* 'a marsch (?)' (BoswToll 1898: 1240; см. Holthausen 339).

Нельзя не отметить попутно, что корень **uis* также может обозначать 'воду' (др.-инд. *viṣam* 'Wasser' (Böhtlingk 6: 132), 'Wasser, Flüssigkeit' (Grassman 1873: 1307) — существование последнего значения отрицается в Mayrhofer 3: 227). Более того, по распространенной гипотезе **uiso-* является табуистическим названием 'яда', произведенным от глагольного корня 'течь' (корень, возможно реликтовое представленный в др.-инд. (Mayrhofer 3: 223) и в некоторых названиях европейских рек — Mayrhofer 3: 227—228, Pokorny 1: 1134).

3. Индоевропейское (и ностратическое) название травы.

Если для индо-европейского предположить исходное значение 'ядовитая трава' (ср. значения в славянском и в индо-иранском), то и.-е. **uiso-* можно далее связать с ностратическим названием травы ***wEŠV* (о нем в Терентьев 1991: 21—22). С другой стороны, в Иллич-Свитыч 1967: 359 предложено ностр. ***wi/š/u* 'расти'; индоевропейский корень **ueis* 'расти' (Pokorny 1: 1133) отчасти учтен ниже, уральский (финно-пермский) корень есть и в Терентьев 1991: 22. Алт. (по тунгусскому) **üSi* 'расти' остается, видимо, возможным этимологическим соответствием для слов со значениями 'трава', 'зеленый'; к тунгусскому теперь можно добавить тюрк. **ös*, монг. **ös* 'расти', кор. *isák* 'побег, колос' (алтайский материал приводится согласно компьютерной базе данных по алтайской этимологии, которая в настоящее время разрабатывается А. В. Дыбо, О. А. Мудраком и С. А. Старостиным, см. www.starling.rinet.ru).

Однако кроме **ciiso-* ‘яд, ? ядовитая трава’, в индо-европейском и славянском есть и другие фонетически близкие слова со значением ‘трава’:

Германские языки: норв. *veis* ‘сочный стебель (растения)’ (НРС 988), *vise* ‘spitze, fruchtansatz’ (цитируется по Vries 1961: 668, ср. также Jóhannesson 120), др.-исл. *visir* ‘a sprout’ (Cleasby 1957: 718), др.-англ. *wise* ‘a sprout, stalk’ (BoswToll 1898: 1241, Hall 1960: 412), *wir* ‘myrtle’ (BoswToll 1898: 1237, Hall 1960: 412), шв. диал., др.-дат., ютл. *vise* ‘Spitze des Kartoffelkrautes’ (Jóhannesson 120, Vries 1961: 668; шв. *vese*, приводимое в этимологической литературе (Фасмер 1: 308, Pokorny 1: 1133), видимо не существует).

Балтийские языки: лит. *viksvà* ‘langes, hartes im Sumpf wachsendes Gras, Riedgrass, Segge, carex’, *vizgà* ‘Riedgrass’, также *vikšvà*, *vikšris* (Fraenkel 1962: 1249), лтш. *vikse* ‘eine Pflanze mit langen (Kalmusblättern ähnlichen) Blättern, die an feuchten Stellen wächst’, *viksa* ‘eine dem Riedgrass ähnliche Sumpfpflanze’ (Mühlenbach 4: 584); что касается прус. *wuse*, *wisge* ‘овес’ (Trautmann 1910: 463), то эти слова видимо связаны со слав. **ovьsь* и др., хотя фонетически ближе к этой «осоковой» группе слов. Для нашей темы особенно интересно определение литовского слова *viksvà* — ‘высокая болотная трава’ — которое подчеркивает два существенных признака: высота и болотность. Лит. *vikšva* < лит. *viksva* < **visva* (эпентеза заднеязычного и переход свистящего в шипящий после заднеязычного, как в *žvaigžde* и под.) < **visa* (вторичное -v- как в рус. диал. *осá ~ осvá*).

Сюда же относится и лат. *vireo* ‘быть зеленым, зеленеть’, по значению совпадающее с уральск. **wEš3* ‘зеленый’ (Терентьев 1991: 21—22; видимо, следует реконструировать **wiš3*, см. КЭСК: 49).

Слав. **višь*, Gen. **viša* м. р.: Др.-русск. **вишь* ‘зеленые ветки, хворост’ (Срезневский 1: 266) ‘гибкое растение (камыш, дрок); ветвь, прут для связывания’ (СЛРЯ XI—XVII вв. 2: 196; единственный пример, который приводится в обоих словарях — *вишемь связавшему* из Лествицы XIV в.), русск. диал. курск., псков.

виш, род. п. -а м. р. ‘заросли кустов, скопление кочек, прошлогодней травы в пойменных местах’ (СРНГ 4: 310; ПОС 4: 32); укр. диал. житомир. *виш*, род. п. *вишу* м. р. ‘стара, вчасно не скошена трава, яку використовують як добриво’ (Лысенко 1966: 13—14, Лысенко 1974: 46); блр. «обл.» *вишá* ‘трава, оставшаяся на зиму нескошенной’ (БРС 1: 235), диал. сев.-зап. *виш*, *вишá* ‘трава, яка асталася на зиму не скошанай’ (СгПЗБ 1: 317—318), брест. *виш*, *вышій*, *вышій* ‘id’ (ДСБ 32), туров., мозыр., ц.-блр., гомель. *виш* ‘зазімавала трава другога ўкосу; сухая трава’ (ТС 1: 129, Шур 1975: 171, Кучук 1978: 208, Шаталова 1975: 30, СгЦРБ 1: 61, МДСГ 1: 216, Янкоўскі 1: 50), красн.-слобод. (минск.) *вишá* ‘няскошаная, высахлая на корані трава’ (Бірыла 1975: 99), в ЭСБМ 2: 171 также ссылка на Некрашэвіч 1929; сев.-зап. *виш*, *вишá* также ‘від асакі’ (СгПЗБ 1: 317), гом. *вишáр* ‘пажарніца’ (блр. пажарніца — ‘вейник, Calamagrostis Adans.’), *виш*, *вишá*, *вишáр* ‘топкая балота, дзе траву косяць толькі на лёдзе або яна там зазімоўвае’, ‘трава ў выглядзе мурагу, яка не трэцца’, ‘месца на беразе, у затоцы, дзе ляжыць сухая балотная трава, рознае смецце пасля разводдзя’, ‘благое балотная сена’ (Яшкін 1971: 35—36 со ссылками); польск. *wiszar*, стар. *wisz* ‘roślina czepna; geste, spątane zarośla’ (SJP 9: 1129), н.-луж. *wisch* м. ‘das Sumpfgas’ (Zwar 1989: 382), *wis* ‘das Sumpfgas; das Schilf’, диал. ‘das grösste Süßsgras (Glyceria spectabilis)’ (Mucke 2: 884), словен. *vîš* м. р., ж. р. ‘das Riedgrass’ (Pleteršnik 2: 772), с.-х. *vîш*, род. п. *viša* м. р. ‘высока ливадска трава *Lasiagrostis calamagrostis* из ф. Gramina’, ‘*Sesleria coerula*’ (PCJ 2: 681), *vîc* ‘*Sesleria coerula*’ (PCJ 2: 647—648), *višж*, род. п. *višja* м. р. ‘id.’ (PCJ 2: 599). См. ЭСБМ 2: 171. Неясно ряз. деул. *вячка* ‘осока (*Carex leporina*)’, ССРНГ 109; неясно также, имеет ли сюда отношение смол. *вяцо*, *вѣци* ‘березовые прутья для веников’, *višши* ‘ветки деревьев’, см. Галинская 1996: 73. Ср. также слав. **věxьlь* ‘прошлогодняя трава’.

Славянское слово (благодаря фонетической двусмысленности) легко можно сравнивать отдельно как с германскими, так и с балтийскими словами. Однако это происходит благодаря при-

нятию двух разных праформ, между собой герм. **uīs*, **ueis* и балт. **uiks* соотносятся нерегулярно (м.б. **uiks* < **uis-k*).

Spongia (/ *Bodiaga*) *fluviatilis*, губка красноводная (сем. кремнепероговых). Возможно, сюда же русск. диал. твер. *виша*, *вишь* 'водяная губа, *Spongia fluviatilis*' (Даль 1: 212), твер. осташ. *вишь* 'Bodiaga fluviatilis' (Анненков 1878: 393), томск. *виша*, *виш* 'Bodiaga fluviatilis et lacustris' (Анненков 1878: 66), томск. *вишь* (СРНГ 4: 311), *вишá* 'Spongia fluviatilis' (Бурнашев 1: 47, 98 — без указания места). С другой стороны, для этих вост.-славянских слов можно предложить и отдельную связь с германским названием водорослей: зап.-фриз. *wier* (приводится по Holthausen 1934: 384), др.-англ. *wār* 'see-weed, waur' (Bosw'oll 1898: 1168, Hall 1960: 397) — до этого для этих германских слов предлагась связь с лит. *ĩ-vairũs* 'gewunden' (Holthausen 1934: 384). Скорее всего, с этими словами не связано норв. диал. *veise* 'тина' (также 'грязь, топь' — НРС 988, см. выше).

Как отмечено выше, большинство растений, называемых *вѣхом* и подобными словами, ядовиты. Кроме того, эти растения в основном растут на болотах и по берегам водоемов. Среди зонтичных это *Angelica archangelica*, *Cicuta virosa*, *Oenanthe phelandrium*, *Peucedanum palustre*, *Sium latifolium*, та же среда обитания у *Butomus umbellatus*, сходная у *Thalictrum flavum* (на влажных лугах и по урёмным лесам), *Sparganium* (по болотам, берегам рек, озер, канавам и старицам), *Stellaria palustris* (по болотам, лугам и берегам рек). Иная среда обитания у прочих растений: *Aegopodium podagraria* (по лесам, кустарникам, садам), *Aethusa suparium* (в кустарниках и как сорное), *Conium maculatum* (по сорным местам, однако предпочитает тень); *Hyoscyamus niger* (сорное), *Stellaria graminea* (по лугам, полям, кустарникам), *Vicetoxicum officinale* (по лесам и кустарникам).

Предпочтение к болотам и берегам позволяет связать *вѣх* с *вишью*, названием болотной и прибрежной травы: н.-луж. 'болотная трава', др.-рус. 'камыш', блр. диал., словен. 'осока', блр. диал., с.-х. 'вейник (*Calamagrostis*)', н.-луж. диал. 'манник водный (*Glyceria spectabilis* (= *aquatica*))'. Такие значения, как блр. 'нескошенная трава', поль. 'густые, спутанные заросли', могут происходить из промежуточных значений вроде курск. 'заросли

кустов, скопление кочек, прошлогодней травы **в пойменных местах**', блр. диал. 'топкое болото, где траву скашивают весной на льду', 'плохое болотное сено', 'заводь, где скапливается сухая болотная трава'. Ближе оказывается и связь с прусским названием багульника (который растет в болотистых лесах).

Значение 'трава, растущая в болотистом месте' естественным образом связано со значением 'болотистое место': кроме приведенных белорусских диалектных слов, отметим рус. диал. *вѣшня* 'болотистое место; поемный луг около деревни, где не косят, а пасут скот; выгон' (Опыт 1972: 39). Метонимическое обозначение травы по месту их произрастания хорошо известно, ср. материал по русским диалектам в Васильев 1999, по разным славянским языкам в Толстой 1969: 247—249⁷. Если считать важной мотивацию 'влажное место', то перспективной оказывается связь с д.-в.-н. *wisa* 'Wiese, pratum', др.-англ. *wisc* 'a marsch', см. о них выше.

Слав. **вѣха* 'связка соломы'

Рассмотрим слав. **вѣха* 'связка соломы', которое по крайней мере фонетически близко к нашему материалу:

Русск. *вѣха* 'шест, служащий для указания пути, границ земельных участков [...]'; мор. 'поплавок в виде шеста с метелкой или перекладной наверху, служащий для указания фарватеров, мелей и т. п.' (СРЯ 1: 159); диал. *вехá* 'круг из соломы с вицей (веткой), который опускают в чан при варке пива', *вѣха*, *вѣха*, *вехá* об. мн. 'палки, которые кладут на стог сена, чтобы его не разносило ветром' (СРНГ 4: 208); укр. *віха* 'веха' (УРС 1: 128), зап. *віха* 'Laubbündel, Bierwisch' (Желеховский 1886: 109); блр. *вяхá*, *вѣха* 'веха' (БРС 1: 229, 301); словц. *viecha* 'zvázok slamy na či

⁷ Ср. также значения слав. **čerty* — 'болотистая местность' (ю.-слав., словц.), 'камыш' (вост.-слав.).

stenie, zapal'ovanie ap., vechet', 2. 'kytica konárov, stromček ap. ozdobený stružkami a nosený pri niektorých ľudových zvykoch...'; 'zväzok slamy, čečiny ap, zavesený nad vchodom do hostinca... v ktorom sa predáva vino vlastnej urody' (SSJ 5: 94); чеш. *věcha* 'веннок из соломы', [*věch, vich* 'соломенный жгут']; в.-луж. *wěcha* 'Hegewisch, Strohkranz (auf verbotenen Wiesen)' (Pfuhl 1968: 775); н.-луж. *wěcha* 'der Wisch (Zeichen des Verbotes), Wehrstrauch' (Zwar 1989: 377), *wěcha* 'der Strohwisch als Zeichen des Verbotes, der Hegewisch; der Wehrstrauch; spec. der Wipfel, der Maienstange' (Mucke 2: 85); польск. *wiecha* 'wieżka, pęk czego, zwłaszcza słomy, chrusta, galezi; wiecheć'; bot. 'kwiatostan groniasty złożony' (SJP 9: 1010); полаб. *vexvě* nom.-acc. pl. f. (**věxъvy*) 'wisps, fascines' (Pol-Sehn 1967: 167; формант -v- во мн.ч. достаточно обычен для полабского языка); словен. *véha* 'das wegstehende Krautblatt, das nicht einen Bestandteil des Krauttopfes bildet' (Pleteršnik 2: 755), 'štrleč zeljni list', star. 'širokokrajni klobuk' (SSKJ), *veha* 'širok željev list, ki se ne drži glave; klobuk s širokimi krajci' (Joža 1931); с.-х. *véja* 'плутача, бова (у води)' (ПСКЖ 1: 343), 'ознака у води у виду пирамида, коца и др.' (РСЖ 2: 474), серб. диал. косов.-метох. *véja* 'суха грана, сламка, билька' (Елезовић 1: 75), тимоч. *véja* 'сноп кукурузовине' (РСЖ 2: 474); косовско-метохийское слово отнесено к слав. **věxa* в Skok 3: 575; болг. диал. тырн. *vexá* 'метла от вързан кичур слама или метличина за метене на гумно' (БЕР 2: 138).

Значения континуантов слав. **věxa* объясняются из значения 'пучок, связка соломы'. Иногда у этого пучка соломы хозяйственная функция, иногда семиотическая — т. е. иногда этот пучок служит указателем, запрещающим или межевым знаком, буйком. Серб.-хорв. значение 'бук' и значения рус. *веха*, *вехи* появились в результате метафорического сдвига: *веха* как связка соломы в роли указателя начинает обозначать указатель вообще. Польское ботаническое значение 'метелка', видимо, объясняется метафорическим сдвигом 'пучок соломы' > 'пучок, метел-

ка'. Словенское и косовско-метохийское значения ('лист, отстоящий от кочана', 'сухая ветка, соломинка') возникли из значения 'пучок соломы' как метонимический перенос: из пучка соломы или травы торчат всякие соломинки или даже листья, в результате чего характерная часть обозначается названием целого. Слав. **věxa* связано также со слав. **věxъly* 'мочалка, тряпка' (Фасмер 1: 308, специально про **věxъly* в Филин 1972: 568). Далее наиболее очевидным этимологическим соответствием является д.-в.-н. *wisc* 'Wisch, Strohwisch; Wisch, Bündel als Stroh oder Schilf' (Scade 2: 1171), *wisk* f. 'a wisp of hay or the like; freq. in mod. usage' (Cleasby 1957: 711), сюда же норв. *visp*, ср.-англ. *wisp* 'kleines bündel stroh oder heu' (FalkТорп 1960: 1388).

Со слав. **věxa* явно связаны некоторые названия растений:

Asparagus acutifolius, спаржа остролистная (сем. лилейных/спаржевых). Серб.-хорв. *viјèxa*, а также *viја*, *viјèja*, *viха* 'Asparagus acutifolius' (РСЖ 2: 611, также 607, 610, 677; ср. также Симоновић 1959)⁸.

Ruscus aculeatus, иглица (сем. иглицевых). Рус. стар. *мышья веха* 'Ruscus aculeatus' (Анненков 1878: 306, Даль 1: 191), укр. зап. *vixanka* 'Ruscus' (Маковиески 1936: 320—321 со ссылкой на учебник, составленный И. Верхратским), рус. стар. *веха* (nota bene, не *вѣха!*) 'иглица волоска, веха мышья' (СЛРЯ XVIII 3: 87). Вообще не совсем ясно, откуда собственно взялось это название в русском и украинском языках. По крайней мере ясно, что его происхождение скорее книжное, чем народное (и в самом деле, насколько можно понять по сокращению «Стар. Рук.», Анненков ссылается на какие-то старые тексты). Дело в том, что иглица растет в Средиземноморье, бассейне Дуная и на южном берегу Крыма, т. е. ее ареал не пересекается с основным ареалом восточнославянских языков.

⁸ Серб.-хорватское название люцерны, *выющегося* растения *viја* очевидным образом связано с глаголом **viti* 'вить'.

Anthericum ramosum, венечник ветвистый (сем. лилейных/асфоделевых). Рус. диал. курск. *вѣхалка* 'Anthericum ramosum' (Анненков 1878, Горницкий 1890: 4).

Arera spica-venti, метлица обыкновенная (сем. злаковых). Рус. диал. *вѣховлѣсик* 'Arera spica venti' (Даль 1: 345, Анненков 1878: 17—18, СРНГ 4: 208).

Первоначальным значением серб.-хорв. слова могло бы быть что-то вроде 'торчащая палка' (ср. характерный «торчащий» вид спаржи). К сербскому названию спаржи примыкает название иглицы (растения, достаточно близкого спарже — так, по одной из ботанических классификаций спаржевые и иглицевые — подсемейства в семействе спаржевых).

Однако и название зонтичных растений (а ведь *вѣх* в основном обозначает именно зонтичные растения) могло возникнуть из названия вежи, метелки, ботвы, или по крайней мере испытать влияние этого слова. Более того, не только представители семейства зонтичных, а и некоторые другие растения имеют что-то вроде зонтика: прежде всего это *Butomus umbellatus*, сусак зонтичный, а также некоторые другие. Суждения о том, насколько соцветие того или иного растения похоже на зонтик, могут быть довольно субъективны, в идеале эту статью следовало бы сопроводить соответствующими иллюстрациями⁹. Довольно характерный пучок характеризует омелу, так что название омелы тоже трудно совсем отделить от *вежи*. Кроме того, зонтик у зонтичных растений расположен на достаточно длинном стебле (что бывает иногда основой для номинации — см. Меркулова 1967: 70—71). Стоит напомнить, что *вежа* часто обозначает пучок соломы на палке или просто длинную палку (см. выше).

⁹ Кажется, что некоторая не совсем тривиальная вещь вроде метелки, зонтика есть у большинства интересующих нас растений (соцветия в виде метелки или зонтика мы отделяем от соцветий в виде кисти, головки или колоса).

Выводы

Словом *вѣх* и несколькими похожими словами называется около двадцати растений¹⁰. Можно выделить несколько признаков, каждый из которых характеризует большую часть этих растений, но ни один не описывает весь материал: ядовитость, влаголюбивость, наличие «зонтика». При этом за каждым из этих признаков стоит своя возможность той или иной этимологической связи. Подытожить сказанное про признаки различных растений удобно в таблице — см. след. стр.

В современной семантике существует известная дилемма, какой способ описания предпочесть: смысловой инвариант по Р. Якобсону (этот способ еще называют «списочной» — checklist — семантикой), т. е. набор простых признаков, присутствующих во всех описываемых единицах, или же прототип по Е. Куриловичу, когда выделяется «первичное» (не обязательно простое) значение, а другие описываются как его модификации. Так, если первичное значение представить как множество простых признаков, то производные значения содержат различные его подмножества (см. примеры в Филлмор 1983: 30—31). Применительно к нашей ситуации совершенно очевидно, что нужно постулировать не инвариант, а прототип (в данном случае «первичное» значение в смысле синхронной семантики может оказаться и первичным в диахроническом смысле). Таким прототипом является *Cicuta virosa* (а также *Aethusa cynapium*, *Oenanthe peltandrium* и *Sium latifolium*, почти неотличимые от цикуты): зонтичное, ядовитое, растет в болотах и по берегам рек. Почти все остальные обладают двумя-тремя из этих трех признаков

¹⁰ Мы оставляем в стороне вторичное значение 'рожистое воспаление': *бех* 'трав'яниста рослина', также 'назва хвороби, спорідненної с бешихою; рожа' (Сизько 1990: 11), укр. *бешіха*, *бешішник* 'болезнь: рожа, рожистое воспаление', (кроме того, *бешішник* 'раст. *Chenopodium hybridum* L.', *бешізнік* 'раст. *Paris quadrifolia*', Гринченко 1: 54).

Таблица 1

	Ядовитость	Влаголюбивость	Наличие «зонтика»
<i>Aegopodium podagraria</i>	–	–	+
<i>Aethusa cynapium</i>	+	+	+
<i>Angelica archangelica</i>	–	+	+
<i>Cicuta virosa</i>	+	+	+
<i>Conium maculatum</i>	+	–	+
<i>Oenanthe phellandrium</i>	+	+	+
<i>Peucedanum palustre</i>	–	+	+
<i>Sium latifolium</i>	+	+	+
<i>Butomus umbellatus</i>	–	+	+
<i>Capsella bursa pastoris</i>	–	+	?
<i>Hyoscyamus niger</i>	+	–	–
<i>Sparganium</i>	–	+	?
<i>Stellaria graminea</i>	+	–	?
<i>Stellaria glauca</i>	–	+	?
<i>Thalictrum flavum</i>	–	+	?
<i>Vicetoxicum officinale</i>	+	–	?
<i>Viscum album</i>	–	–	+ ?

(наличие только одного признака у *Aegopodium podagraria* и *Hyoscyamus niger* может расцениваться как результат путаницы, см. комментарии при материале; в случае с *Viscum album* это говорит о необходимости отдельной этимологии). Быть может, *Cicuta virosa* является не только прототипом, удобным для описания всех существующих значений изучаемой группы слов, но и

прототипом историческим, т. е. самым старым значением. Тогда этимологическая контроверза никак не разрешается: можно только предположить, что слово, обозначавшее ядовитую траву (по форме слав. *vъхъ точнее всего соответствует индоевропейскому «яду»), стало обозначать именно цикуту под влиянием похожего корня, обозначавшего болотную траву (сам корень сохранился отдельно в виде слав. *višь), а также, наверное, под влиянием слав. *vѣха 'связка соломы'. Ситуация, когда слово имеет более одного этимона, не является чем-то совершенно странным и неприемлимым (хотя, конечно, приятной такую ситуацию не назовешь)¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков 1859 — Ботанический словарь или собрание названий..., составил Н. Анненков. Москва, 1859.
- Анненков 1878 — Ботанический словарь. Справочная книга..., составил Н. Анненков. СПб, 1878.
- Атлас — Лексічны атлас беларускіх гаворак у пяці тамах. Т. 1 — Мінск, 1993.
- БЕР — Български етимологичен речник. Св. 2 — София, 1963.
- Бірыла 1975 — Бірыла М. В. З лексікі Чырвонаслабодчыны // 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975.
- БРС — Белорусско-русский словарь. Т. 1 — Минск, 1988.
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1 — СПб, 1843.
- Бялькевіч 1970 — Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Васильев 1999 — Васильев В. А. Семантический перенос 'место' > 'травя, сено' и его реализация в новгородских и других русских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7. Л., 1999. Стр. 44—52.

¹¹ Например, на конференции «Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия», прошедшей 29 мая — 2 июня 2000 г. в Москве, А. Долгопольский сделал доклад, в котором привел значительный корпус примеров подобной лексической конвергенции.

- Васількоў 1927 — Васількоў І.Г. Матэрыялы да флоры Горацкага раёна // Працы навуковага таварыства па вывучэнню Беларусі. т. 3 — Горы-Горкі, 1927.
- Верхратський 1872 — Початки до уложения номенклатуры и терминологии природописной, народнѣй... Написавъ Иванъ Верхратський. 4 — у Львови, 1872.
- Верхратський 1908 — Нови знадобы номенклатуры и терминологии природописной, народной, збрани між людом. Подав Иванъ Верхратський. Львов, 1908.
- Горницкий 1886 — Список русских и немногих инородческих названий растений. Собрал и составил... К. С. Горницкий. Харьков, 1886.
- Горницкий 1890 — Список русских и немногих инородческих названий растений. Собрал и составил... К. С. Горницкий. Харьков, 1890.
- Гринченко — Словарь украинского языка. Редактировал... Б. Д. Гринченко, т. 1 — Киев, 1907.
- Даль — Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля, т. 1 — СПб.—М., 1880.
- Добровольский — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Вып. 1 — Смоленск, 1914.
- ДСБ — Дыялектны слоўнік Брэстчыны, Мінск, 1989.
- Елезовић — Елезовић Г. Речник косовско-метохиског дијалекта. Свеска прва — Београд, 1932.
- Желеховский 1886 — Малорусско-німецкий словарь, уложив Євгеній Желеховский. Львив, 1886.
- Зализняк 1977 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 г.г.). М., 1986.
- Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 г.г.). М., 1993.
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- ЗалПетр — Залесова Е. Н., Петровская О. В., Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, т. 1 — СПб, 1898; т. 2 — 1899, т. 3 — 1900.
- Иллич-Свитыч 1967 — Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков... // Этимология 1965. М., 1967.
- Инстр — Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы. I—III. Мінск, 1959—66.
- ЕСУМ — Этимологічний словник української мови. т. 2 — Київ, 1982.

- Каспяровіч 1927 — Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
- Киселевский 1967 — Киселевский А. Латинско-русско-белорусский ботанический словарь. Минск, 1967.
- Кузеля 1943 — Українсько-Німецький словник. ... склали Зенон Кузеля і Ярослав Рудницький при співпраці Карла Г. Масра. Ляйпциг. 1943.
- Кучук 1978 — Кучук І. М. Назвы раслін на Мазыршчыні // Живое слова, Мінск, 1978.
- Лисенко 1974 — Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Лысенко 1966 — Лысенко А. С. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
- МДСГ — Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомэльшчыны, вып. 1 // Беларуская мова і мавазнаўства. Вып. 3 — Мінск, 1975.
- Маевский 1962 — Маевский П. Ф. Весенняя флора. Определитель. М., 1962.
- Мацкевіч 1976 — Мацкевіч Ю. Ф. 3 лексікі вёскі Лісна Верхнядзвінскага раёна // Народные слова. Мінск, 1976.
- Меркулова 1967 — Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений, М., 1967.
- Мѣсцасловъ — Львованинъ. Приручный и господарскій мѣсцасловъ на рѣкъ звычайный 1861. Львовъ, [год не указан].
- Некрашэвіч 1929 — Некрашэвіч. Да характэрыстыкі беларускіх гаворак Парыкага раёна (Слоўнік гаворкі) // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы класа філалогіі. Т. 2, кн.9 — Мінск, 1929.
- Новг — Новгородский областной словарь. Вып. 1 — Новгород, 1982.
- НРС — Норвежско-русский словарь. Сост. В. Д. Аракин. М., 1963.
- Объ — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1 — Томск, 1964.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Имп. Акад. Наук, СПб, 1852.
- Опыт 1972 — Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- Полевой 1926 — Полевой А. О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии. Менск, 1926.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4 — Л., 1979.
- Рогович 1874 — Опыт словаря народных названий юго-западной России А. С. Роговича. Киев, 1874.
- РСЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 2 — Београд, 1962.

- РСКЖ — Речник српскохрватскога књижевног језика. 1 — Нови Сад, Загреб, 1967.
- Свяжынскі 1977 — Свяжынскі Ч. М. Лексічныя рэгіяналізмы гаворкі вёскі Турасполле Ушацкага раёна // Народная лексика, Мінск, 1977.
- СгПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і ея пагранічча, т. 1 — Мінск, 1979.
- СгЦРБ — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі, т. 1 — Мінск, 1990.
- Сизько 1990 — Сизько А. Т. Словник діалектноі лексики говірок сіл південно-східноі Полтавщини. Дніпропетровськ, 1990.
- Симоновић 1959 — Симоновић Д. Ботанички речник научних и народних имена биљака... Београд, 1959.
- Словарь 1895 — Словарь русского языка, сост. 2^м отд. Имп. акад. наук. Т. 1 — С-Пб, 1895.
- СЛЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 2 — М., 1975.
- СЛЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3 — Л., 1987.
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1 — СПб, 1893.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 4 — Л., 1972.
- ССРНГ — Словарь современного русского народного говора. М., 1969.
- СРЯ — Словарь русского языка (в 4 т. т.). Т. 1 — М., 1985.
- Терентьев 1991 — Терентьев В. А. Ностратические этимологии // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. (К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо). М., 1991.
- Толстой 1969 — Толстой Н. И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). М., 1969.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1 — Мінск, 1982.
- УРС — Украинско-русский словарь. Т. 1 — Киев, 1953.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 — М., 1986.
- Филин 1972 — Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
- Филмор 1983 — Филмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.
- Хованский 1860 — Хованский А. О среднем роде в народном говоре воронежской губернии // Филолог. зап., Воронеж, 1860, вып. IV. Стр. 224—228.
- Чоловский 1882 — Чоловский К. Опыт описания Могилевской губернии... Кн. 1 — Могилев, 1882.

- Шаталова 1975 — Шаталова Л. Ф. Беларускаяе дыялектнае слова. Мінск, 1975.
- Шур 1975 — Шур В. В. Матэрыялы да слоўніка жывёмагадоўчай лексики Мазырышчыны // 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік Беларускай мовы. Т. 2 — Мінск, 1980.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6 — М., 1979.
- Янкоўскі — Янкоўскі, Дыялектні слоўнік, Мінск, 1959—1970.
- Яворницький — Яворницький Д. І. Словник української мови. Т. 1 — Катеринослав, 1920.
- Яшкін 1971 — Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.
- Bartholomae 1961 — Altiranisches Wörterbuch von Christian Bartholomae. Berlin, 1961.
- Bartoš 1895 — Dialektologie moravská. Sepsal František Bartoš. 2 d.—V Brně, 1895.
- Bartoš 1905 — Dialektický slovník moravský. Sestavil František Bartoš. Praha, 1905.
- Böhtlingk — Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von Otto Böhtlingk. 6 — St.Petersburg, 1886.
- BoswToll 1898 — An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Edited and enlarged by T. Northcote Toller. London, 1898.
- Cleasby 1957 — An Icelandic-English Dictionary. Initiated by Richard Cleasby. Oxford, 1957.
- Grassman 1873 — Wörterbuch zum Rig-Veda von Hermann Grassman. Leipzig, 1873.
- ErnMeillet 1967 — Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots par A. Ernout et A. Meillet. Paris, 1967.
- FalkTorp 1960 — Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch von H. S. Falk, A. Torp. Oslo, Bergen, 1960.
- Fraenkel 1962 — Litauisches etymologisches Wörterbuch von Ernst Fraenkel. Heidelberg, Göttingen, 1962.
- Frisk — Griechisches etymologisches Wörterbuch von Hjalmar Frisk. B.1 — Heidelberg, 1960.
- Joža 1931 — Glonar J. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1931.
- Hall 1960 — Hall John R. Clark. A concise Anglo-Saxon dictionary. Cambridge, 1960.
- Holthausen 1934 — Altenglisches etymologisches Wörterbuch von F. Holthausen. Heidelberg, 1934.

- Holthausen 1925 — *Altfriesisches Wörterbuch von Dr. F. Holthausen*. Heidelberg, 1925.
- Karłowicz — Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. 6 — Kraków, 1911.
- LiddScott 1996 — *A Greek-English Lexicon*. Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott, Oxford, 1996.
- Mayrhofer — Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. 3 — Heidelberg, 1976.
- Makowiecki 1936 — Makowiecki S. *Słownik botaniczny łacińsko-małopolski*. Kraków, 1936.
- Moszyński 1928 — Moszyński K. *Polesie wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu Mozyrskiego oraz z powiatu Rzeczyckiego*. Warszawa, 1928.
- Mucke — Mucke, Prof. Pr. Ernst. *Wörterbuch der nieder-wendischen Sprache und ihrer Dialekte*, 2 — Prag, 1928.
- Mühlenbach — K. Mühlenbachs *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. 4 B. — Riga, 1929—1932.
- Pfuhl 1968 — Pfuhl Chr. *Tr. Obersorbisches Wörterbuch*. Bautzen, 1968 [воспр. изд. 1866 г.].
- Pleteršnik — Pleteršnik M. *Slovensko-nemaški slovar*. Ljubljana, 1974.
- Pokorny — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, 1 B. — Bern, München, 1959.
- PolSehn 1967 — Polański K., Sehnert J. A. *Polabian-English Dictionary*. The Hague—Paris, 1967.
- RHSJ — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. 20 d. — Zagreb, 1971.
- Richthofen 1970 — Richthofen, Karl Freiherr von. *Altfriesisches Wörterbuch*. Aalen, 1970 [воспр. издания 1840 г.].
- Schade — *Altdeutsches Wörterbuch von Oskar Schade*, 2 — Haale, 1872—1882.
- SJP — *Słownik języka polskiego*. T.9 — Warszawa, 1967.
- Skok — Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knjiga 3 — Zagreb, 1973.
- SSJ — *Slovník slovenského jazyka*. V. diel — Bratislava, 1965.
- SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. 1—5, Ljubljana, 1970—1991.
- Steingass — Steingass F. A *comprehensive Persian-English Dictionary*, London, [б/г].
- Trautmann 1910 — Trautmann R. *Die altpreussischen Sprachdenkmäler*. Göttingen, 1910.
- Turner 1966 — Turner R. L. *A Comparative Dictionary of the Indo-Arian Languages*. London, 1966.

- Vries 1961 — *Altnordisches etymologisches Wörterbuch von Jan de Vries*, Leiden, 1961.
- WP — Walde A. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Herausgegeben und bearbeitet von Julius Pokorny, 1 B. — Berlin, Leipzig, 1930.
- Zwar 1989 — Zwar J. G. *Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch*. Bautzen, 1989 [воспр. изд. 1847 г.].

Адреса авторов: Россия. Москва. 101000.
Чистопрудный б-р., д. 12, корп. 2, кв. 100.
Philip_M@abby.com

Россия. Москва. 121354.
ул. Гришина, д. 21, корп. 4, кв. 30.